

Целостно
Агейчев

*Малитвени
поези
на деца...*

Игорь Агейчев
Молитвами моих
надежд... (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30480598

Молитвами моих надежд... : Другие стихи и мысли / Игорь Агейчев:

ИПО «У Никитских ворот»; Москва; 2016

ISBN 978-5-00095-269-6

Аннотация

«Седой садовник приуныл, Его душа мести устала. Ему и дом,
и сад не мил, Листвы – и той казалось мало...»

Содержание

[1]	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Игорь Агейчев

Молитвами моих надежд...

Тем, кого любил и люблю

© Агейчев И.С., 2016

© Оформление. ИПО «У Никитских ворот», 2016

* * *

Садовник

Седой садовник приуныл,
Его душа мести устала.
Ему и дом, и сад не мил,
Листвы – и той казалось мало.

Потёртый скинув балахон,
Садовник шёл среди дорожек,
Шёл так, как будто бы не он,
Не он, а кто-то помоложе.

Среди берёзок и листвы,
Что осень скинуть повелела,
Садовник был уже, увы,
Надломлен ей так неумело...

Хозяйка – чистая зима.
Белёсых улиц наважденье.
А в старых ставнях там – она,
Часами, словно привиденье.

Садовник чистою душой
Сводил себя с ума умело,
Теперь идёт он на покой,
Стать явью призрак не успела.

Пройдя сквозь ёлочек-нерях,
Старик вздохнул, словно прощаясь,
А где-то там, в затворных снах,
Она лежала, улыбаясь.

И, бережно прибрав мечты,
Укутав шею старым шарфом,
Садовник, крикнув вдруг: «Ишь ты», —
За изгородь зайдя, дал маху.

Он первый в жизни раз бежал,
И, ноги ставя неуклюже,
Он на бегу пообещал
Не видеть тех, кому он служит.

И в этот самый дУрный миг,
Поняв весь ужас отречения,
Дух смерти вдруг её настиг,
С улыбкой взял, без сожаленья...

Этюд перед закатом

Сорвав сюртук, погнув петлю,
Устало как-то улыбнувшись,
Он молвил: «Я до слёз люблю!»
И вышел вон, чуть приспоткнувшись.

Он шёл небыстро, но упрямо,
Так все решившие идут,
Что не свернуть уж влево, вправо...
Им только напролом маршрут.

Чего хотел он, этот странник?
Пожить прекрасною судьбой
Или влюбиться, так, чтоб рано
И безрассудно стать собой?

И вот он шёл неспешно, прямо,
Пугая шустрых голубей,
Шёл вдаль, где огненно-багряный
Закат казался всё смелей.

Он не хотел ни скудных мыслей,
Ни чувств в приятной мгле тоски,
Лишь щёки впали да отвисли
От скуки ждать всю жизнь доски.

Внезапно мимо, будто мрамор,
Она, свернув из-за угла,
Сквозь мрак заката, дивный ангел,
К герою нашему пошла.

И тут, впервые в жизни пленной,
Вздыхнул он: «Сопли не терплю».
Припавши на одно колено,
Промолвил: «Я до слёз люблю».

Конец у дивного этюда
Прекрасен в простоте своей.
Услышал он: «Иди отсюда!»
Но путь продолжил к красоте.

К подаренной первой строке

Читая вечности дневник,
Задав судьбе своей вопросы,
Кто я ей – мыслей, чувств родник?
Вдруг в суть Вселенной влез без спроса.

Какой же маленький ты, шарик!
Как же смешны людей потуги
Ввинтить в тебя побольше гаек
Да скрыть хоть что-то от супруги.

Смешны и страны, и пространства,
Убоги мелочность и боль,
Противны даже хулиганства,
Что скуку скрыть хотят порой.

Ты, Вечность, разрешаешь много,
Свободу духа дашь ты вдруг,
Кому-то беса, мне – лишь
Бога Сулишь ты, замыкая круг,

Сжимая нас в одно кольцо,
Смеющихся не в жажде смерти,
А в радости, что я в лицо
Могу пролепетать лишь: «Верьте».

Верь в то, что ты и есть тот Космос,
Та мириада величин,
Что с полки знаний взять без спроса
Ты волен всё-всё, ты один!

Читая вечности дневник,
Ты неизбежно понимаешь:
Вот ты – и миллиард возник
Таких же, и их ты не знаешь.

Людей, букашек, дивных роз,
Всего живого, что немое,
Что селит Землю не всерьёз,
Ведь после смерти – всё чужое.

За что дерётесь, правдолюбы?
Поборники добра и зла,
Самосознания душегубы,
Ярлыки вешать мастера.

Как ты безжалостна, конечность
Стремлений наших и обид,
Вот весь дневник твой вышел, Вечность...
Он мне «живи» лишь говорит...

Годы

Я прячусь за самим собой,
Пустым, весёлым, чуть невеждой,
Мне горько: для судьбы иной
Мне нужно быть таким, как прежде.

Наивным и слегка шальным,
С улыбкой солнцу в снеге талом,
С простым желанием одним...
И взглядом хищным, хоть усталым.

Мне жажда, чтоб не по плечу
Все свершения казались,
Я доказать себе хочу,
Что слёзы чувств во мне остались.

Хочу я жить и не стареть,
Чтоб не ворчать ни в чьих объятьях,
Но, боже, мне и молодеть
Нельзя никак. Юнец – предатель.

Его поступки – крови прыть,
А чувства – как с куста малина:
Срывай! Не надо даже мыть...
Но чист ты лишь наполовину.

Ты – отражение себя,
Наивности своих стремлений,
Ты как гроза, но без дождя,
Лишь отблеск будущих умений.

Не молодежь. И я не буду,
Пусть годы мудрость не несут,
Они творят иное чудо,
От пустоты они спасут.

Дадут бесстрастные вопросы
И снимут шляпу у души,
Что, распахнувшись, вновь попросит:
Живи, твори и не спеши!

И будут годы, словно птицы,
Свободой воли хороши,
Их цель – не старости добиться,
А счастье мерять за гроши.

Не удивляюсь, раз сам начал
С собой же этот разговор.
Пытаюсь – не могу иначе
Прервать в себе я этот спор.

Решиться – жить на всю катушку
Или, бывшее сохранив,
Пытаться мучить, как кукушку,
Себя вопросом: «Как ты, жив?!»

Нет уж, ребята, убегаю
От этой юной суеты,
Поверьте, я и так играю,
Ведь с жизнью я давно на «ты»...

Есениным. Близким и недалёким

Разрезая снежные вершины,
В объятьях зелени долин,
Достав рукой морей глубины,
Стоял он, словно исполин.

Родных просторов чуя капли
Ещё не выросшей росы,
Все струны на душе помякли,
А чувства – словно сталь косы.

Его чарующей улыбкой
Тому, чему иной всплакнёт,
Он всех нас сделал по ошибке,
Он не гадал, как сильно жнёт.

Его печаль – начало лиха,
Когда вокруг ещё темно,
Когда в твоей душе так тихо,
В его – бушует огонёк.

Своей любовью жёг он душу
И жёг не свой – чужой талант,
Ни на секунду не разрушив
Баланс творенья, как атлант.

Мы все его немного дети,
Все верим, что чуть-чуть ещё,
И миру так же мы ответим,
А не проямлим из-за щёк.

И в том его вина и слава,
Бесценность русской красоты.
Для всех оставил нас забаву,
Случайно взяв себе мечты...

Мир под треску и кильку

Кто я? Какой судьбы насмешник?
Борюсь со сном или верю я в себя?
Кто я? Строки бездарной пересмешник?
Или, быть может, в чём-то и судья?

Какая моя доля в мире песен?
Каким себе себя я представлял?
Я скучен или, право, очень весел?
Кто мне враги, а кто – мои друзья?

Как мне услышать благодарность неба,
Чтобы понять ответы пустяков?
Я ни молитвой, ни проклятьем не был
Ниспослан для ответов или слов.

Как поискать себя в своём же мире?
Каких ещё придумают оков,
Порвав которые, себе скажу – пошире
Шагай. Ведь в этом мире нет бросков.

Ты можешь только чуткою походкой
За собственными чувствами идти,
Ни женщина и ни Господь находкой
Тебе не станут на несдержанном пути!

Ты к славе можешь хоть прыжком, хоть рысью
Стремиться под влияньем простоты,
Сей пьедестал жесток, и, кроме «Брысь-ка!»,
Боюсь, что ничего там не услышишь ты.

Зачем все эти глупые вопросы?
Зачем я потерялся в странной пустоте?
Друг мой, ну не лукавь, ну брось ты!
Нельзя же жить в полнейшей простоте!

Мне ликований на мой век хватало,
И жизни мёд, и женщин пелена.
Пишу. Хотя, конечно, этого и мало,
Живу и чувствую, и жизнь эта – одна...

Чего я понял. Глупые восторги,
Что вызывают радость у толпы,
Не служат смыслом, их давно отторгли
Все струны, те, с которыми на «ты».

Стыд восторженья фактами рассветов
Или закатов, кто кому виной,
Не дал мне не ответов, не советов,
Их не даёт и ночь передо мной...

Сказать – зануда безнадежный, —
Не ваша это, к счастью, судия,
Меня не зная будущим и прежним,
Не справитесь с диагнозом, друзья.

Что всё же перестало в этом мире
Взывать во мне и горе, и тоску, —
Так это точно «поступью пошире»!
Пойдём под коньячок съедим треску.

Мне перестали быть понятны ночи,
Что шумом тянут деда и отца,
Я понимаю, что малец захочет
Узнать манящий пьяный лик лица.

Но ведь мы рады, вот и изумленье!
Пусть распинался выше в чём-то я,
Души мы рады чувству очищенья
Под кильку от вопросов бытия...

Наверно, мне обидно или стыдно,
Или понять меня откажутся друзья,
Мне грустно, жалко и обидно,
Что Бога мир под кильку понял я.

[1]

X

Страхи – это комплексы слабых. Комплексы – это фобии сильных. Фобии – это страхи перед комплексами.

X

Не торопитесь жить. Пожалейте смерть!

X

Не зная, что такое ревность и зависть, сложно не увлекаться женщинами и не жить на широкую ногу.

X

Голодным должен быть поэт. Писатель – сытым. Ему ещё работать.

X

Нет ничего проще, чем улыбнуться ребёнку. И ничего отвратительнее людей, которые видят в этом нарушение закона.

X

Свобода – это умение совладать с собой.

X

Нельзя простить себе то, что не простил другому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.